

Сов. цирк, - 1987 - 13 маяб. № 46.

КЛУБ Искусств ПОЛИФОНΙΑ ВЕРНИСАЖ КЛУБА ИСКУССТВ.

Сегодняшний москвич, придя на выставку, оказывается в том же состоянии, что и парижанин почти полвека назад — его окружают те же скрипачи, иудеи, влюбленные, клоуны, акробаты, курицы и лошади — Шагал творит свой мир, пронизанный идеей красоты и радости мироздания. Мир, которому художник не изменил за всю свою долгую и непростую жизнь. Мир, в котором каждый из жителей не случаен и любим художником.

Любители воспринимают это необычное искусство, как правило, недоверчиво, профессионалы, воздавая должное мастерству, — зачастую скептически. Но Ша-

приближена к его миру.

Ведь только в цирке и на картинах Шагала люди летают.

Ведь только в цирке и на картинах Шагала люди, звери, птицы живут одной жизнью, помогая и сопереживая друг другу. Ведь только в цирке и на картинах Шагала красота женщины и ловкость мужчин являются мерой пригодности к этому миру.

Ведь только в цирке и на картинах Шагала не переставая звучит музыка и — само собой разумеется — совершаются чудеса.

На выставке Шагала в музее изобразительных искусств в Москве можно было увидеть около 20 его „цирковых“ работ. Разного времени (от начала 30-х до середины 80-х годов), выполненные в самой разной технике (живопись и графика: черно-белые и цветные литографии, офорты), они кажутся иллюстрацией одного бесконечного сюжета, картинами жизни какого-то отдельно существующего мира. Герои одни и те же.

Птицы и звери не требуют в этих сюжетах многоумных рассуждений о том, что они обозначают. Артисты выходят к зрителю на листы бумаги так же, как из фургана на манеж: акробаты и акробатки — воплощением сильного и ловкого тела, клоуны — воп-

Этот язык оказывается гораздо богаче нашего. Вот цветная литография „Сердце цирка“. Кажется бы, все просто: в черный контур бьющегося сердца, обозначенный единой и какой-то непрочной линией, включен манеж и часть зала. Они читаются, хотя едва намечены. В центре — кувыркающийся на лошади акробат, справа — серозеленый клоун, играющий на скрипке (клоуны и музыка вопреки законам словотворчества нашего мира у Шагала рифмуются удивительно легко), слева — красный клоун (цвет самого сердца!) — единственное лицо на листе. Масса зрителей в амфитeatре безлика и бестелесна — неинтересна художнику. Но любая попытка описать картину Шагала обречена на неизбежный провал. Слова не могут дать представления ни о музыке линий, ни о цветовой и композиционной гармонии. Как рассказать об осмысленном и трепетном взгляде лошади из глубокой синевы картины „Всадница на красной лошади“? Как передать впечатление от живописных работ последних лет жизни художника — „Цирк“ (1979—1981) и „Большой цирк“ (1984)? Здесь весь мир превращен в большой цирк. Жизнь заключена в окружности манежа. Внизу оказывается город, в котором существуют Эйфелева башня и витебская Благовещенская церковь. Вверху — ярус кресел, заполненные безликими зрителями, наблюдающими жизнь со стороны. На манеже — прижавшиеся друг к другу влюбленные, клоуны с цветами, летающие лошади и люди, парящий в воздухе оркестр... Фейерверк красок, хаос переходящий в музыку, некоторая даже избыточность, перенаселенность картин, в которых Шагал решил собрать все атрибуты своего мира. Последняя дань любви к цирку, к миру, где все так нереально и все так по-настоящему.

Часто встречаются художники, дарящие зрителю глуповатую радость узнавания — я мол, это тоже видел. Сколько ни возвращайся к картинам Шагала, кажется — видишь впервые. Так видеть и ощущать мир сложно и больно. И художнику трагическому и светлому, прозревающему в каждом мгновении жизни и появлению ее из небытия и неизбежный уход в небытие, не случайно оказывается так близок и дорог клоун, который каждый вечер, выходя на манеж (в жизни!), должен забывать о своих горестях и болях и играть новую роль — сразу небело и навсегда. „Я — клоун“, — до самой смерти говорил про себя великий Чарли Чаплин. „Клоун — это мировоззрение“, — настаивал Леонид Енгибаров. Это мировоззрение, это взгляд на мир, который художник, знающий о всех его грязных и страшных тайнах, дарит радостью. И не случайно три соседствующие на выставке литографии оказались буквально на „одно лицо“: три героя — сам Шагал („Автопортрет“), клоун („Появление в цирке“) и человек в минуту творчества („Художник“) удивительно похожи друг на друга. И не случайно картина с символическим для человека, прожившего всю жизнь за границей, названием „Здравствуй, Родина!“ сразу ассоциируется с „цирковыми“ работами: полет женщины (знакомая акробатка) с цветами (атрибут шагаловского клоуна) вокруг солнца в зелено-синем голубом небе.

Странно было бы утверждать, что Шагал — „цирковой“ художник. Но цирк был одной из немногих любимых тем его творчества, а в последние годы, мне кажется, наиболее светлой и радостной. Собственный мир художника — результат компромисса между полетом мечты и фантазии и давящим бытом, цирк же, хотя и преображенный и опозитированный, оказался самой реальной, самой земной жизнью на картинах Шагала.

Конечно же, повезло тому, кому удалось посмотреть выставку Шагала в Москве. Но тот, кто не видел, увидев даже всего несколько картин, сможет почувствовать все очарование мира этого уникального художника, у которого не может быть уникальных выставок — ведь на любой из них „мы снова увидим все тех же...“
Фото М. Железняк.

ВСЕ ТЕ ЖЕ АКРОБАТЫ И КЛОУНЫ, ИЛИ БОЛЬШОЙ ЦИРК МАРКА ШАГАЛА

Светлана Еремеева

... Мы снова увидим все тех же летающих бородатых иудеев, возлежащих на диване любовников, белых невест, акробатов, нежных эфебов с букетами, порхающих ангелочков, согбенных жалких скрипачей и все это вперемежку с какими-то музицирующими козлами, с гигантскими курицами, с телятами и апокалиптическими конями...
Александр БЕНУА,
рецензия на выставку Марка Шагала в галерее Май, 12, рю Бонопарт, 1940 г.

гал яростен в защите и пропаганде своего мира. Когда-то в начале 20-х годов Грановский пригласил его на постановку спектакля в создававшемся тогда Государственном еврейском театре. Спектакль был обречен на неудачу: Шагал не ограничился декорациями и костюмами, его живопись захватила стены, перебралась на потолок; зритель, вошедший в зал, оказывался во власти образов и идей Шагала, актеры становились лишь движущимися фигурами в его картинах.

Настойчивое желание втянуть зрителя в свой мир, присущее Шагалу, может просто испугать, и вполне понятны обреченно-устальные нотки в голосе Бенуа, уже несколько десятков лет знакомого с творчеством художника: „Мы снова увидим все тех же...“

Но... „эта новая демонстрация „упражнения с ограниченным количеством реквизитов“ не только меня не огорчила, но она пленила меня, а, главное, не получилось от этого сеанса впечатления трюкажа или хотя бы до полного бесчувствия зазубренного фокуса“, — вынужден признать критик. Это слова художника о художнике? С одной стороны, что значит — пленила? Оценка по крайней мере непрофессиональна. А с другой — откуда эти слова: „упражнения с ограниченным количеством реквизитов“, „трюкаж“, „фокус“? Случайно ли они пришли на ум рецензенту? Или были „спровоцированы“ самим художником?

Цирк... Это не было временным увлечением, красочным впечатлением, поразившим некогда в детстве. Для Шагала цирк был той реальностью, которая наиболее

поощением души этого мира. Фигурки акробатов живут в динамике движений и потому-то у Шагала они, как правило, без лиц. Но на нас глядят глаза клоунов. Величина предметов в мире Шагала определяется их важностью для художника и потому на одной из литографий („Клоун и акробаты“) непропорционально огромное лицо клоуна почти заслоняет все остальное. Шагаловские клоуны не смеются; они глядят внимательно, ласково и чуть печально. Люди, познавшие тайну смеха и цену веселья, могут все — например, из музыки клоуна может появиться женщина („Музицирующий клоун“).

Люди рационального склада теряются перед картинами Шагала. Шагал не поддается классификациям, систематизациям, периодизациям. В 10-х и в 80-х годах он один и тот же: сразу — мастер и сразу — творец своего мира. Ответ Шагала американскому искусствоведа Суини на просьбу объяснить свои произведения ставит под сомнение вообще разумность такого подхода к его картинам: „Я не пытаюсь их понять. Они не литературны. Они — только живописное выражение тех образов, которые меня преследуют“. Поэтому в работах Шагала важно не только (и не столько) то, что изображено, но и как — в композиции и цвете. То, что для художников-псевдо-реалистов является лишь средством, для художников-формалистов — самоцелью, для Шагала становится формой выражения, он говорит на первородном языке художников — языке не только образа, но и линии и цвета.